

Надежда Астахова, Никита Большаков

ПАТТЕРНЫ КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ: ИНКЛЮЗИЯ ИЛИ ИЗОЛЯЦИЯ?

Статья посвящена исследованию культурного потребления глухих и слабослышащих как особой по своим социокультурным особенностям группы людей с ограниченными возможностями здоровья. Существование жестового языка и другие особенности способствовали формированию современного представления о данной группе как о культурно-лингвистическом или социолингвистическом меньшинстве. «Культура глухих» часто является основным или даже единственным культурным ориентиром для глухих и слабослышащих, что становится причиной, затрудняющей социальную инклюзию. Вместе с тем культурная инклюзия сегодня должна рассматриваться как один из основных принципов социальной политики, способствующей интеграции всех членов общества, но при этом учитывать сложившиеся социокультурные особенности каждой группы людей с ОВЗ. На основе разведывательной исследовательской стратегии с использованием метода онлайн-опроса глухих и слабослышащих москвичей выявлено первичное представление о паттернах их культурного потребления, которые включали бы в себя описание условий и характеристик не только продукта культуры, но и самой модели потребления. Проведенный анализ структуры взаимосвязанных практик, предпочтений и мотивов культурного потребления среди опрошенных с различной степенью нарушения слуха позволил выделить три ключевых паттерна: «культурной инклюзии», «культурной изоляции» и «пассивного культурного потребления», которые были рассмотрены в контексте детерминирующих их факторов. Понимание сложившихся на сегодняшний день моделей культурного потребления среди глухих и слабослышащих дает дополнительные возможности не только осмысления явления

Надежда Викторовна Астахова – старший преподаватель Департамента социологии Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: nastakhova@hse.ru

Никита Викторович Большаков – аспирант, преподаватель Департамента социологии Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: nbolshakov@hse.ru

«культуры глухих»), но и позволяет оценить дополнительные возможности социальной инклюзии этой группы людей с ОВЗ.

Ключевые слова: культурное потребление, инклюзия, глухие и слабослышащие, нарушение слуха, досуг

DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-51-66

Одним из ключевых принципов современной социальной политики в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья является признание «равного достоинства личности каждого человека» (Попова, Шеманов 2011: 75). Этот принцип подразумевает не только создание механизмов социальной или трудовой инклюзии, но и формирование доступных всем инструментов развития человека, в качестве которых выступают образование и культура (Шеманов 2011: 51). Иными словами, успешная интеграция людей с ОВЗ предполагает развитие определённых культурных компетенций, формирование которых является одной из основных задач в рамках реализации принципов Конвенции ООН о правах инвалидов, ратифицированной Российской Федерацией в 2012 г. (Статья 30). В последние годы уделяется все больше внимания проблемам развития доступной среды, системы инклюзивного образования, при этом роль культурной инклюзии отходит на второй план.

В первой части статьи обосновывается актуальность изучения глухих и слабослышащих как особой социальной группы, представлен дизайн эмпирического исследования, а также теоретические и методологические основания изучения культурного потребления. Далее, в описании полученных результатов исследования, рассматриваются культурные практики в среде глухих и слабослышащих, а также их модели культурного потребления. В заключение рефлексированы возможности использования полученных результатов применительно к принципам и инструментам социальной политики, направленной на инклюзию глухих и слабослышащих.

Важно также отметить, что в рамках культурной концепции понимания глухоты нам представляется наиболее корректным использование терминов «глухие» и «слабослышащие», которые применяются представителями сообщества для самоидентификации и получая широкое распространение в среде исследователей глухих. Кроме того, использование этой терминологии позволяет концентрировать внимание на особенностях, а не на «недостатках» данной группы (Большаков 2016), что важно в контексте феномена культуры глухих.

Глухие и слабослышащие как особая группа людей с ограниченными возможностями здоровья.

Согласно отчету Всемирной федерации глухих (Allen 2008), на 2008 г. в России насчитывалось около 13 млн людей с нарушениями слуха, тогда

как по данным Всероссийского общества глухих это число составляет порядка 150 тыс. (в первом случае учитываются все люди с нарушениями слуха, а во-втором те, кто стоит на учете ВОГ). Число инвалидов по слуху составляет примерно 190 тыс. человек. При этом каждый год инвалидами по слуху признаются около 40 тыс. россиян (10,9 тыс. взрослых и 29,7 тыс. детей в 2014 г., 10,5 тыс. взрослых и 28,7 тыс. детей в 2013 г.) (Здравоохранение... 2015: 80–81). Однако важно понимать, что далеко не все глухие и слабослышащие имеют статус инвалидов, а потому эти данные можно считать несколько искаженными.

Большинство социологических исследований в области проблем инклюзии людей с особыми потребностями не проводят четкой дифференциации между категориями инвалидности, таким образом, особенности глухих и слабослышащих, представляющих специфическую по своим культурным и социальным особенностям группу, остались слабо изучены (Зозуля 2005; Карпова 2010; Романов 2004; Наберушкина 1998). А вместе с тем уже с начала 1980-х гг. глухие стали рассматриваться как культурно-лингвистическое или социолингвистическое меньшинство (Зозуля 2005: 264) с характерными только для данной группы социокультурными особенностями, практиками повседневности и специфическими потребностями. К числу особенностей данной группы, позволяющих говорить о ней как об особом культурном меньшинстве относятся (Reagan 1990): использование жестового языка, самоопределение и самосознание – более половины людей с нарушениями слуха склонны идентифицировать себя с данной позиции и не разделяют мнения «мы такие же, как все» (Романов, Ярская-Смирнова 2010: 51), схожие поведенческие паттерны, «эндогамные» браки (заключаемые внутри сообщества), общность исторического наследия и наличие сети формальных объединений и организаций.

Среди основных трудностей культурной интеграции людей с инвалидностью, принято выделять проблему изоляции и, в первую очередь, затруднения физического доступа к тем или иным благам, в том числе к культурным (Антонова 2013: 155) Однако эта проблема для глухих и слабослышащих стоит не так остро, то есть условия внешней среды не являются серьезным барьером, ограничивающим их доступ к объектам или учреждениям культуры или культурным благам. Всероссийское общество глухих с момента своего создания в 1926 г. уделяло особое внимание организации культурного досуга незлышащих: первый в мире Театр мимики и жеста был открыт в Москве в 1962 г. (Кайатос 2012: 220). Кроме того, нарушение слуха не является серьезным препятствием к посещению музеев, выставок, субтитрируемых кинопоказов. В исследовании «Инвалиды и культурная политика: проблемы доступности» только 16% людей с нарушениями слуха ответили, что состояние здоровья не позволяет им посещать объекты культуры, тогда как среди других категорий инвалидности данный показатель был выше (Карпова 2011: 75). Можно говорить

об относительной физической доступности объектов культуры и культурных благ для глухих и слабослышащих.

Таким образом, культурное потребление лиц с нарушениями слуха на сегодняшний день обладает определенной спецификой и для полноценной социализации им необходимо включение как в специфические культурные институты глухих, так и в общий культурный контекст общества. В связи с этим представляется актуальным исследовать паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих и проверить гипотезу о наличии инклюзивных/эксклюзивных паттернов.

Методология исследования

Основным объектом исследования выступает культурное потребление людей с нарушениями слуха как группы с ограниченными возможностями здоровья, обладающей социокультурной спецификой, а предметом, соответственно, паттерны культурного потребления как устойчивые модели практик, мотивов и предпочтений, схемы действий.

В качестве эмпирического объекта рассматривались глухие и слабослышащие с различной степенью потери слуха в возрасте от 18 до 30 лет, проживающие в Москве. Стоит отметить: исследование носило разведывательный характер, что позволило использовать модель стихийной выборки. Размер выборки составил 148 человек, отобранных в социальных сетях.¹ По степени потери слуха одинаковые доли глухих (47,5%) и слабослышащих (52,5%), из которых, в свою очередь 8% обладают потерей слуха первой степени, 5% – второй степени и 38% – третьей. Более 90% опрошенных владели жестовым языком, тогда как менее 10% отметили, что общаются с окружающими исключительно голосом или письменно. Почти 60% людей с нарушениями слуха – женщины. Средний возраст респондентов в выборке составил 25,7 лет.

Основная гипотеза исследования: существует несколько устойчивых паттернов культурного потребления людей с нарушениями слуха, которые могут быть выделены на основе их включенности в общую культуру или специфическую культуру глухих. Каждый из них предполагает наличие специфического жизненного опыта и факторов, которые детерминируют его формирование.

Дизайн исследования носил смешанный характер, то есть на различных этапах работы использовались как качественные, так и количественные методы. Базовый метод сбора данных – анкетный онлайн опрос (с последующим анализом данных в *SPSS* и *Excel*). Кроме того, были дополнительно использованы методы интервью и экспертного опроса

¹ Опрос проводился с января по март 2015 г.

на этапах разработки инструментария, уточнения и операционализации базовых понятий.

Ключевой методической сложностью в исследовании стала проблема необходимости применения особых подходов к сбору данных среди людей с нарушением слуха. Так, например, при составлении опросного инструмента и формулирования анкетных вопросов приходилось учитывать особые языковые особенности респондентов. Сложные формулировки предложений, сложносочиненные слова и другие особенности инструментария могли сделать вопрос недоступным для понимания неслышащими, которые общаются исключительно на жестовом языке. Структура построения предложений и языковые конструкции у людей с нарушением слуха зачастую отличаются от грамматических норм русского языка, поэтому в ходе исследования особое внимание было уделено адаптации опросных методик для глухих и слабослышащих респондентов при помощи привлеченных экспертов из числа специалистов по жестовому языку и людей с нарушением слуха. Для удобства респондентов большая часть вопросов была дополнительно переведена на жестовый язык: ссылки на видеоперевод были включены в онлайн-анкету.

Теория культурного потребления: практики, мотивы и предпочтения

Отправной точкой для нашего исследования стали работы Пьера Бурдьё, фокус которых был направлен на механизмы воспроизводства социальных иерархий. Феномен культурного потребления и культурного капитала рассматривается им с точки зрения сопряженности с различными социальными статусами: «все культурные практики и предпочтения в литературе, живописи или музыке тесно связаны, во-первых, с уровнем образования, а, во-вторых, с социальным происхождением» (Bourdieu 1984: 9). Согласно теории восприятия (Bourdieu 1968), любое потребление культуры неразрывно связано с процессом «декодирования», так как прочитанное или увиденное произведение должно быть еще расшифровано и понято, для чего необходимо обладать определенным уровнем культурного капитала.

Понятие культурного потребления включает в себя, помимо непосредственно практик, также мотивацию и вкусы индивидов (Katz-Gerro 2004: 14), которые, группируясь в определенные комбинации, образуют паттерны культурного потребления. В ходе их построения крайне важно изучить не только, что именно потребляет тот или иной индивид, но и как он это делает. Большинство проводимых в России исследований культурного потребления включают в себя блоки вопросов об опыте участия, вкусах и предпочтениях, оставляя за рамками то, каким образом потребление происходит (Rössel 2011: 86–87).

Культурные практики понимались в рамках исследования как некоторые действия, направленные на включение индивида в более широкий

культурный контекст. Речь идет о различных «досуговых» мероприятиях, посещениях музеев, театров и т.д. При этом, помимо общедоступных практик, в исследование глухих и слабослышащих были включены специфические культурные практики: посещение Театра мимики и жеста, концертов жестовой песни и т.д. Мотивы включали в себя определенные ожидания респондентов от предпочитаемых культурных практик (развлечься, восстановить здоровье, провести время с близкими). Предпочтения же были интерпретированы нами через установку на «культуру глухих», так как выбор респондентами способа проведения культурного досуга интересует нас в первую очередь с точки зрения ориентации на специфическую «культуру глухих» или общедоступные практики.

Теоретическая модель паттернов культурного потребления

В рамках работы главной задачей ставилось конструирование паттернов культурного потребления, которые включали бы в себя описание условий и характеристик не только потребляемого продукта культуры, но и самого процесса потребления. В общем виде паттерны можно определить как «структурные образцы культуры, стереотипы поведения, сложившиеся в рамках определенной культуры; устойчивая конфигурация связей людей друг с другом, с предметной и природной средой» (Кравченко 2000: 438). Данное понятие оказывается полезным в изучении различных культур и соотношении между собой культуры и субкультур, что и является нашей задачей.

Исследование паттернов культурного потребления людей с нарушениями слуха представляется целесообразным, поскольку паттерны являются одновременно средством различения социальных групп и одним из основных способов группового воспроизводства (Katz-Gerro 2004: 12). Культурные предпочтения, вкусы, практики устанавливают групповые идентичности и границы (Lamont, Molnár 2001), маркируют и поддерживают социальные различия (Katz-Gerro 2002). На индивидуальном уровне культурное потребление представляет собой акт самоидентификации (DiMaggio, Mukhtar 2004: 174) как «равного» или «исключительного» – некоторые исследователи прямо говорят об «особой культуре» людей с ОВЗ (Попова 2005; Hickey-Moody 2003). В особенности принято выделять «культуру глухих», которая включает в себя определенную систему «отношений, идентификаций, <...>, составных элементов культурной среды» (Попова, Шеманов 2011: 76), культурных практик, мотивов, установок.

Переходя от уровня индивидуальных культурных практик к обобщенным паттернам, необходимо принять во внимание социокультурный контекст и глобальные процессы, происходящие в нашей стране. Одной из задач культурной политики является создание единого культурного

пространства в совокупности с обеспечением культурного разнообразия и сохранением культурных особенностей тех или иных групп населения. В данном контексте культурные практики и предпочтения людей с инвалидностью, в том числе глухих и слабослышащих, должны рассматриваться с позиций инклюзии и эксклюзии, степени включенности людей в общий социокультурный контекст. При этом существование специфических культурных практик и «культуры глухих» накладывает определенные ограничения на процесс социокультурной инклюзии людей с нарушениями слуха: «участие в инклюзии предполагает осознанное принятие возможности изменения своей жизненной стратегии, согласие на пересмотр собственной идентичности» (Попова, Шеманов 2011: 75), в том числе для любого представителя того или иного меньшинства.

Мы выделили методом кластерного анализа группы респондентов со схожими практиками культурного потребления, вычислили уровень установки на «культуру глухих» для каждой группы, и наконец, рассмотрели, как различаются мотивы культурного потребления в каждом из кластеров.

Культурные практики в жизни глухих и слабослышащих

Говоря о различных культурных практиках, мы осознавали все ограничения, накладываемые спецификой объекта исследования, а потому предлагали респондентам в качестве вариантов как практики, требующие определенной компетенции, так и более доступные формы проведения досуга, например, просмотр кино с субтитрами, чтение комиксов, газет и информационных ресурсов онлайн. Среди общедоступных культурных практик наиболее популярным среди респондентов с нарушением слуха оказалось чтение, несмотря на то что, как было отмечено ранее, понимание письменной речи может быть затруднительным для глухих, общающихся на языке жестов (Колесников 2014; Харламенков 2015; Mayer 2007; Paul 1998), книги ежедневно читают 23 %, а газеты и журналы 30 %. Популярным также оказалось посещение кинотеатров: 55 % ходят смотреть фильмы один раз в несколько месяцев. Музеи и выставки хотя бы раз в несколько месяцев посещают почти 40 %, а городские фестивали и гуляния посещали за прошедший год хотя бы один раз более 70 %.

Среди культурных практик, характерных исключительно для «культуры глухих», самой популярной является посещение спектаклей на жестовом языке в Театре мимики и жеста, Специализированной академии искусств и т. д. Около 35 % респондентов отметили, что бывали на данных представлениях более двух раз за прошедший год, а еще более 40 % были на спектаклях 1–2 раза за прошедший год. Кроме того, люди с нарушенным слухом в среднем 1–2 раза в год посещают концерты с участием глухих и слабослышащих артистов и исполнителей, а также специализированные мероприятия (фестивали, концерты, конкурсы) для глухих и слабослышащих в парках

и в общественных пространствах Москвы (День глухих на ВДНХ, День глухих в Сокольниках, Праздник Масленицы в Сокольниках и т. д.).

Более 60% людей с нарушениями слуха отметили, что хотели бы посещать различные культурные мероприятия чаще, менее 20% сказали, что их устраивает та периодичность, с которой они ходят в музеи и на выставки, смотрят спектакли и кино, посещают концерты, представления. В качестве барьеров, которые мешают чаще посещать культурные мероприятия, 40% отметили, что основным препятствием является нарушение слуха. Отметим, что несмотря на наличие значимой связи между выбором данной причины и степенью нарушения слуха, полученное распределение не сильно отличается от ситуации независимости, а следовательно, о нарушении слуха, как о барьере, говорят не только глухие, но и слабослышащие информанты с невысокой потерей слуха. Вторая по популярности причина (около трети опрошенных) – нехватка свободного времени, третья – отсутствие необходимой информации. Такие причины, как отсутствие компании, денег и интересных мероприятий набрали от 15 до 20% каждая, при этом 10% отметили, что приобщаться к культуре им мешает отсутствие необходимой помощи (со стороны переводчика, сопровождающего, специалиста иного профиля).

Говоря о мотивах культурных практик, стоит отметить, что обычно в исследованиях (см.: Kirchberg, Kuchar 2014) выделяются следующие мотивы культурного потребления: повышение эрудиции, самосовершенствование, эстетическое наслаждение, переживание нового эмоционального опыта и т. д. В рамках нашего исследования был составлен блок вопросов о том, какие цели старается достичь человек при выборе того или иного способа проведения культурного досуга. В процессе анализа данных был проведён факторный анализ методом главных компонент с использованием вращения Эквимакс. Оптимальным было признано шестифакторное решение, позволяющее объяснить 70% дисперсии, которое позволило выделить ключевые факторы, составляющие структуру мотивации респондентов при выборе культурных практик:

1. Фактор коммуникации, связанный с коммуникацией и социальным общением: с друзьями и знакомыми, «выход в свет» (коммуникация с другими людьми), а также повышение настроения.
2. Фактор познания, связанный с интеллектуальным развитием, приобщением к культуре, получением новых знаний и навыков. Сюда входят такие мотивы, как расширение кругозора, узнавание нового, приобщение к искусству, создание нового.
3. Фактор рекреации, связанный со спокойным, интеллектуальным отдыхом: восстановление собственного здоровья, а также отдых на природе и размышления.
4. Фактор семейного общения, связанный с проведением свободного времени с близкими и любимыми людьми. Сюда входят такие мотивы,

- как «интересно провести время с семьей/друзьями», «побыть с любимым человеком».
5. Фактор отвлечения, связанный со сменой привычной деятельности: отдых от обычных житейских дел, уход от забот, а также получение приятных переживаний.
 6. Фактор развлечения, связанный с получением удовольствия и включающий в себя такие мотивы как «развлечься» и «получить удовольствие».

В ходе дальнейшего анализа выделенные факторы использовались для конструирования паттернов культурного потребления.

Паттерны культурного потребления людей с нарушениями слуха

Для выявления паттернов культурного потребления была использована комбинация методов кластерного и дисперсионного анализа, которая позволила получить типологию респондентов по их культурно-досуговым практикам, а также оценить, какова специфика мотивации и установки на «культуру глухих» для каждой группы респондентов.

Паттерн культурной инклюзии. Характерен для людей с низкой установкой на «культуру глухих», преобладающей коммуникационной, познавательной и рекреационной мотивацией. Включает в себя частое посещение кинотеатров, музеев (в том числе с экскурсиями на жестовом языке), спектаклей (в том числе в рамках театральных фестивалей) и различных концертов. Данная модель потребления культуры предполагает максимальную готовность к инклюзии, ее придерживаются 30% опрошенных.

Паттерн пассивного культурного потребления. Характерен для людей, предпочитающих домашние культурные практики (чтение книг, журналов, газет, в том числе специализированных, о жизни людей с нарушениями слуха, просмотр кино и телевизора). У таких респондентов можно отметить более низкий по сравнению с первой группой показатель установки на «культуру глухих», а мотивация направлена на семейное общение, а также коммуникацию и познание. Возможности интеграции и инклюзии в данном случае ограничены за счет ориентации на пассивное «домашнее» культурное потребление. Паттерн характерен для четверти участников исследования.

Паттерн культурной изоляции. Третий паттерн разделяют люди, выбирающие те виды культурных практик, которые ориентированы исключительно на «культуру глухих»: посещение фестивалей и концертов жестовой песни, концертов с участием глухих и слабослышащих артистов, исполнителей и музыкантов, спектаклей на жестовом языке, праздничных концертов для глухих в Театре мимики и жеста, а также дискотек глухих.

Кроме того, этот паттерн характеризуется наибольшей частотой общения с друзьями, развлекательной и коммуникационной мотивацией при выборе культурных практик, а также высоким показателем установки на «культуру глухих». Очевидно, что данный паттерн предполагает минимальный уровень культурной инклюзии и максимальную ориентацию на собственную идентичность и изоляцию. Его разделяют 45%. Важно также отметить, что ориентация на специфические культурные практики не означает отрицания любых возможностей взаимодействия с общей культурой. В частности, представители данной группы посещают экскурсии на жестовом языке в различных музеях при условии, что экскурсии организованы специально для глухих. То есть инклюзия возможна именно в контексте групповой идентичности: глухие включаются в общую культуру не как отдельные индивиды, а как представители меньшинства.

Важнейшим фактором, определяющим культурное потребление человека, согласно концепции Бурдьё, является его культурный капитал, который чаще всего понимается исследователями как накапливаемый ресурс (Самарина 2010: 40), выражающийся в совокупности социальных, культурных и компетентностных характеристик. Для оценки культурного капитала респондентам был предложен дополнительный блок вопросов, направленных на оценку его инкорпорированного, объективированного и институционализированного состояния.

По всем трем состояниям культурного капитала наблюдается явное превосходство людей, для которых характерной является модель инклюзивного потребления. Минимальные значения показателей культурного капитала фиксируются у глухих и слабослышащих, которые стремятся к изолированности своего культурного потребления. Несколько больше значения у респондентов, которым свойственно пассивное культурное потребление, однако две эти группы демонстрируют схожие уровни культурного капитала с практически идентичными показателями.

Заключение

Культура является одним из основных инструментов развития личности, а потому культурная инклюзия может рассматриваться как принцип социальной политики, которая, с одной стороны, должна быть дифференцированной, т.е. предлагающей различным группам разные ее формы (Малева 2012), а с другой – способствовать интеграции всех членов общества (Антонова 2013).

Полученные в ходе исследования устойчивые модели культурного потребления представляют интерес в первую очередь в контекстах обеспечения равного доступа всех к инструментам культуры, и существования «культуры глухих», являющейся для многих неслышащих и слабослышащих основным, или даже единственным культурным ориентиром.

Ключевыми паттернами, выделенными в ходе исследования стали паттерны культурной инклюзии, культурной изоляции и пассивного культурного потребления. Каждый паттерн требует особого подхода при формировании принципов и инструментов социальной инклюзии.

Первая модель подразумевает ориентацию на общекультурные практики с низкой установкой на «культуру глухих». Социализация людей, для которых характерен данный паттерн, происходила, как правило, в инклюзивной среде слышащих родителей с высоким уровнем образования, общеобразовательной школы. К моменту вступления в самостоятельную жизнь они накопили высокий уровень культурного капитала, стимулирующий интерес к посещению музеев, театров, кинотеатров, познанию и узнаванию нового, включению в широкий социокультурный контекст.

Для дальнейшей интеграции людей, разделяющих паттерн культурной инклюзии актуальны средства социальной политики, направленные на разработку программ, повышающих доступность и привлекательность для людей с нарушениями слуха культурных благ и ценностей (оснащение различных организаций культуры техническими средствами, которые помогают слабослышащим людям ориентироваться в здании, подготовка специалистов-экскурсоводов, владеющих жестовым языком, и проч.).

Характерными чертами второго паттерна (культурная изоляция) стала высокая ориентация на субкультурные особенности, практики, связанные с «культурной глухих», основными мотивами к участию в которой являются коммуникация и развлечение. Люди, для которых характерен данный паттерн, происходят, как правило, из «глухих» семей с низким уровнем культурного капитала и образования. Их социализация проходила в рамках замкнутого сообщества, предпочтительной формой коммуникации в котором является жестовый язык и они продолжают воспроизводить модель, усвоенную в детстве.

Для людей, разделяющих паттерн культурной инклюзии требуется разработка особых программ, направленных на расширение и частичное замещение сложившейся модели потребления «культуры глухих» в сторону общедоступных культурных практик. Здесь актуальны будут инклюзивные формы организации досуга глухих.

Паттерн пассивного культурного потребления, включающий в себя практики домашнего и семейного досуга: чтение книг, просмотр кино и телевизора. Люди, культурное потребление которых относится к данной модели, имеют высшее образование, но происходят в основном из слышащих семей с низким уровнем культурного капитала и образования, а потому их основными видами досуга являются семейное общение и коммуникация. Они владеют жестовым языком, общаются как со слышащими, так и с людьми с нарушениями слуха, но при этом не могут считаться полноценно интегрированными ни в слышащее большинство, ни в сообщество глухих и слабослышащих. Пассивные формы досуга

делают эту группу восприимчивыми к средствам инклюзии, доступными из дома: для них будут актуальными расширения теле и видеоконтента с субтитрами и сурдопереводом, развитие и популяризация просветительских интернет-проектов, ориентированных на культурные потребности людей с нарушениями слуха.

В целом выявление паттернов культурного потребления людей с нарушениями слуха дает дополнительные возможности осмысления «культуры глухих», а также культурного потребления глухих и слабослышащих и позволяет оценить дополнительные возможности инклюзии данной социальной группы.

Список литературы

Антонова В. (2013) Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам. *Журнал исследований социальной политики*, 2 (11): 151–170.

Большаков Н. (2016) От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2 (85): 160–174.

Зозуля Т. (2005) *Комплексная реабилитация инвалидов*, М.: Academia.

Кайатос А. (2012) Говорящие в беззвучии: скорее молчаливы, чем немые. Советский театр глухих и пантомима после Сталина. *Журнал исследований социальной политики*, 2 (10): 213–234.

Карпова Г. (2010) Инвалиды и культурная политика: проблемы доступности. *Социологические исследования*, (10): 74–80.

Колесников В. (2014) К проблеме использования жестового языка в высшем гуманитарном образовании. Т. С. Никандрова, И. Н. Нурлыгаянов (ред.) *Инновационные проблемы современного развития дефектологии: материалы вежвузовской научной конференции*, М.: Прометей: 13–16.

Кравченко А. (2000) *Культурология. Словарь*, М.: Академический Проект.

Малева Т. А. (2012) *Социальная политика должна быть дифференцированной*. Доступно по ссылке: <http://www.hse.ru/news/extraordinary/49118276.html> (дата обращения: 11 марта 2012).

Наберушкина Э. (1998) *Стратификационный анализ инвалидности*: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Саратов.

Попова Н. Т. (2005) Культурные механизмы развития человека. К. Разлогов (ред.) *Теоретическая культурология*, М.: Академический проект: 314–325.

Попова Н. Т. Шеманов А. Ю. (2011) Инклюзия в культурологической перспективе. *Психологическая наука и образование*, (1): 74–82.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. (2010) Инвалиды и общество: двадцать лет спустя. *Социологические исследования*, (9): 50–57.

- Романов П., Ярская-Смирнова Е., Вайтфилд С., Келли С. (2009) *Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации: анализ основных результатов исследования*, М.: Папирус.
- Росстат (2015) *Здравоохранение в России 2015. Статистический сборник*, Москва: Федеральная служба государственной статистики.
- Самарина И. С. (2010) *Культурный капитал студенческой молодежи в условиях перехода России на инновационный тип развития: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.03, Саратов. гос. соц. – эконом. ун-т.*
- Харламенков А. (2015) Язык и менталитет: влияние жестового языка на менталитет глухих. С. В. Чернов (ред.) *Научные труды института непрерывного профессионального образования*, (5): 191–217.
- Шеманов А. Ю. (2011) Понятие доступности социокультурной среды и его значение для методологии реабилитации. О. Н. Ертанова, М. М. Гордон (ред.) *Инклюзивное образование: методология, практика, технологии*, М.: МГППУ: 50–53.
- Allen C. (2008) *Global Survey Report. WFD Eastern Europe and Middle Asia Regional Secretariat (WFD EEMARS). Global Education Pre-planning Project on the Human Rights of Deaf People*. Available at: <https://www.wfdeaf.org/wp-content/uploads/2011/06/1.-EE-MARS-Regional-Survey-Report-No-1-English-Version-2.pdf> (accessed 11 March 2016).
- Bourdieu P. (1968) Outline of a Sociological Theory of Art Perception. *International Social Science Journal*, (20): 589–612.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*, Cambridge: Harvard University Press.
- DiMaggio P., Mukhtar T. (2004) Arts Participation as Cultural Capital in the United States, 1982–2002: Signs of Decline? *Poetics*, 32 (2): 169–194.
- Hickey-Moody A. (2003) 'Turning Away' from Intellectual Disability: Methods of Practice, Methods of Thought. *Melbourne Studies in Education*, 44 (1): 1–22.
- Katz-Gerro T. (2004) Cultural Consumption Research: Review of Methodology, Theory, and Consequence. *International Review of Sociology*, 14 (1): 11–29.
- Katz-Gerro T. (2002) Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United States. *Social Forces*, 81 (1): 207–229.
- Kirchberg V., Kuchar R. (2014) States of Comparability: A Meta-Study of Representative Population Surveys and Studies on Cultural Consumption. *Poetics*, (43): 176–182.
- Lamont M., Molnár V. (2001) How Blacks Use Consumption to Shape their Collective Identity Evidence from Marketing Specialists. *Journal of Consumer Culture*, 1 (1): 31–45.
- Mayer C. (2007) What Really Matters in Early Literacy Development of Deaf Children? *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 12 (4): 411–431.
- Paul P. (1998) *Literacy and Deafness*, Boston: Allyn and Bacon.
- Reagan T. (1990) *Cultural Considerations in the Education of the Deaf Children, Educational and Developmental Aspects of Deafness*, Washington: Gallaudet University Press: 73–84.
- Rössel J. (2011) Cultural Capital and the Variety of Modes of Cultural Consumption in the Opera Audience. *Sociological Quarterly*, 52 (1): 83–103.

CULTURAL CONSUMPTION PATTERNS AMONG THE DEAF AND HARD OF HEARING: INCLUSION VERSUS EXCLUSION

This article focuses on the cultural consumption of people with hearing loss. The existence of sign language and other cultural features is central to how this group is conceived of in modern society as a cultural and linguistic or sociolinguistic minority. 'Deaf Culture' is often the only cultural landmark that exists for many deaf and hard of hearing people; a point that can become a factor hindering of social inclusion. At the same time, cultural inclusion should be viewed today as one of the basic principles of social policy, which aims at facilitating the integration of all members of society, while also taking into account the prevailing socio-cultural diversities inherent to each group of people with disabilities. The present study is based on an explorative research strategy that employed an online survey of deaf and hard of hearing Moscow residents. Our main purpose was to obtain the preliminary picture of cultural consumption patterns among informants. Cultural consumption was understood as a combination of three components: practices, preferences and motives. Sustainable combinations of these components build patterns. Our analysis resulted in three key patterns being distinguished: 'cultural inclusion', 'cultural isolation' and 'passive cultural consumption', which were also considered in the context of factor that determined them. Understanding the current patterns of cultural consumption of the deaf and hard of hearing people can facilitate an improved comprehension of 'deaf culture' as a social phenomenon and also assist in assessing how to further the social inclusion of this group of people with disabilities.

Key words: cultural consumption, Deaf and hard of hearing, Inclusion, Hearing impairment, Leisure

DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-51-66

References

Allen C. (2008) *Global Survey Report. WFD Eastern Europe and Middle Asia Regional Secretariat (WFD EEMARS). Global Education Pre-planning Project on the Human Rights of Deaf People*. Available at: <https://www.wfdeaf.org/wp-content/uploads/2011/06/1.-EE-MARS-Regional-Survey-Report-No-1-English-Version-2.pdf> (accessed 11 March 2016).

Antonova V. (2013) *Kontsepty sotsial'noy inkluzii i eksklyuzii v global'nom obshchestve: dreyf po sotsial'nym institutam, aktoram i praktikam* [The Concepts of Social Inclusion and

Nadezhda V. Astakhova – Senior Lecturer, Faculty of Social Sciences, School of Sociology, NRU HSE, Moscow, Russian Federation. Email: nastakhova@hse.ru

Nikita V. Bolshakov – Postgraduate student, Lecturer, Faculty of Social Sciences, School of Sociology, NRU HSE, Moscow, Russian Federation. Email: nbolshakov@hse.ru

Exclusion in a Global Society: the drift across social institutions, actors and practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2 (11): 151–170.

Bolshakov N. (2016) Ot devyatsii k identichnosti: transformatsiya nauchnykh podkhodov k ponimaniyu glukhoty [From Deviation to Identity: the Transformation of Scientific Approaches to Understanding Deafness]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2 (85): 160–174.

Bourdieu P. (1968) Outline of a Sociological Theory of Art Perception. *International Social Science Journal*, (20): 589–612.

Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*, Cambridge: Harvard University Press.

DiMaggio P., Mukhtar T. (2004) Arts Participation as Cultural Capital in the United States, 1982–2002: Signs of Decline? *Poetics*, 32 (2): 169–194.

Hickey-Moody A. (2003) 'Turning Away' from Intellectual Disability: Methods of Practice, Methods of Thought. *Melbourne Studies in Education*, 44 (1): 1–22.

Karpova G. (2010) Invalidy i kul'turnaya politika: problemy dostupnosti [The Disabled and Cultural Policy: Accessibility Issues]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (10): 74–80.

Katz-Gerro T. (2002) Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United States. *Social Forces*, 81 (1): 207–229.

Katz-Gerro T. (2004) Cultural Consumption Research: A Review of Methodology, Theory, and Consequence. *International Review of Sociology*, 14 (1): 11–29.

Kayatos A. (2012) Govoryashchie v bezzvuchii: skoree molchalivy, chem nemy. Sovetskiy teatr glukhikh i pantomima posle Stalina [Sooner Silent than Mute: Soviet Deaf Theatre and Pantomime after Stalin]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2 (10): 213–234.

Kharlamenkov A. (2015) Yazyk i mentalitet: vliyaniye zhestovogo yazyka na mentalitet glukhikh [Language and Mentality: the Impact of Sign Language on the Deaf Mentality]. S. V. Chernov (ed.) *Nauchnye trudy instituta nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya* [Scientific Works of the Institute of Continuing Professional Education], (5): 191–217.

Kirchberg V., Kuchar R. (2014) States of Comparability: A Meta-study of Representative Population Surveys and Studies on Cultural Consumption. *Poetics*, (43): 176–182.

Kolesnikov V. (2014) K probleme ispol'zovaniya zhestovogo yazyka v vysshem gumanitarnom obrazovanii [On the Problem of Using of Sign Language in Higher Education Humanities Courses]. T. S. Nikandrova, I. N. Nurlygayanov (eds.) *Innovatsionnye problemy sovremenogo razvitiya defektologii* [Innovative Problems of Modern Defectology Development], M Moscow: Prometei: 13–16.

Kravchenko A. (2000) *Kul'turologiya. Slovar'* [Cultural Studies. Dictionary], Moscow: Akademicheskii Proekt.

Lamont M., Molnár V. (2001) How Blacks Use Consumption to Shape their Collective Identity: Evidence from Marketing Specialists. *Journal of Consumer Culture*, 1 (1): 31–45.

- Maleva T. A. (2012) *Sotsial'naya politika dolzhna byt' differentsirovannoy* [Social Policy Must be Differentiated]. 11.03.2012. Available at: <http://www.hse.ru/news/extraordinary/49118276.html> (accessed 11 March 2013).
- Mayer C. (2007) What Really Matters in Early Literacy Development of Deaf Children? *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 12 (4): 411–431.
- Naberushkina E. (1998) *Stratifikatsionnyy analiz invalidnosti: dissertatsiya ... kandidata sotsiologicheskikh nauk* [A Stratification Analysis of Disability]: 22.00.04. Saratov.
- Paul P. (1998) *Literacy and Deafness*, Boston: Allyn and Bacon.
- Popova N. T. (2005) Kul'turnye mekhanizmy razvitiya cheloveka [The Cultural Mechanisms of Human Development]. K. Razlogov (eds.) *Teoreticheskaya kul'turologiya* [Theoretical Cultural Studies], Moscow: Akademicheskii proekt: 314–325.
- Popova N. T. Shemanov A. Yu. (2011) Inklyuziya v kul'turologicheskoy perspektive [Inclusion in a Cultural Perspective]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], (1): 74–82.
- Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. (2010) Invalidy i obshchestvo: dvadtsat' let spustya [Disability and Society: Twenty Years Later]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (9): 50–57.
- Reagan T. (1990) *Cultural Considerations in the Education of the Deaf Children, Educational and Developmental Aspects of Deafness*, Washington: Gallaudet University Press: 73–84.
- Rössel J. (2011) Cultural Capital and the Variety of Modes of Cultural Consumption in the Opera Audience. *Sociological Quarterly*, 52 (1): 83–103.
- Samarina I. S. (2010) *Kul'turnyy kapital studencheskoy molodezhi v usloviyakh perekhoda Rossii na innovatsionnyy tip razvitiya* [The Cultural Capital of Students in the Conditions of Russia's Transition to an Innovative Type of Development]: dissertatsiya kandidata sotsiologicheskikh nauk (Doctoral Dissertation)
- Shemanov A. Yu. (2011) Ponyatie dostupnosti sotsiokul'turnoy sredy i ego znachenie dlya metodologii reabilitatsii [The Concept of Availability of Social and Cultural Environment and its Importance to the Methodology of Rehabilitation]. O. N. Ertanova, M. M. Gordon (eds.) *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologii* [Inclusive Education: Methodology, Practice, Technology], Moscow: MGPPU: 50–53.
- Rosstat (2015) *Zdravookhranenie v Rossii 2015. Statisticheskyy sbornik* [Healthcare in Russia 2015. A Statistical Digest], Moscow: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki.
- Zozulya T. (2005) *Kompleksnaya reabilitatsiya invalidov* [A Complex Approach to the Rehabilitation of People with Disabilities], Moscow: Academia.